

Евгений Будде

**Опыт грамматики языка А.С.
Пушкина. Часть 1.
Этимология Выпуск 3. Глагол**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Е14

Е14 **Евгений Будде**
Опыт грамматики языка А.С. Пушкина. Часть 1. Этимология Выпуск 3. Глагол
/ Евгений Будде – М.: Книга по Требованию, 2021. – 181 с.

ISBN 978-5-458-55469-5

ISBN 978-5-458-55469-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе къ III-му выпуску.

Предлагаемый вниманію интересующихся III-й выпускъ «Грамматики языка А. С. Пушкина» посвященъ обзору глагольных формъ въ ихъ спряженіи и образованіи въ поэтическомъ и прозаическомъ языкѣ знаменитаго поэта. По ходу нашей работы оказалось, что мы должны были нѣсколько измѣнить первоначальный свой планъ, именно, въ томъ отношеніи, что внесли въ III-й выпускъ и особенности *въ образованіи* глагольных формъ, не ограничившись только особенностями *измѣненія* формъ по спряженіямъ. Это объясняется громаднымъ обиліемъ матеріала, которымъ мы были подавлены, изучая *много* у Пушкина въ 7 томахъ его сочиненій (по изданію Литер. Фонда). Такая работа оказалась, особенно при изученіи глагола, слишкомъ тяжелой для единоличнаго исполненія безъ сотрудниковъ; а, соображая настоящій выпускъ по его содержанію съ предшествовавшими двумя выпусками, мы замѣтили, что въ каждомъ изъ нихъ уже было отведено достаточно мѣста «замѣчаніямъ» по поводу особенностей въ образованіи склоняемыхъ частей рѣчи въ языкѣ Пушкина. Такимъ образомъ, мы нашли возможнымъ нѣсколько отступить отъ первоначальнаго плана, признавъ излишнимъ обрабатывать особый отдѣлъ *словообразованія*, которому долженъ бы былъ быть посвященъ особый *томъ* (или выпускъ).

Въ виду этого мы предполагаемъ, посвятивъ еще одинъ выпускъ (IV-ый) неизмѣняемымъ частямъ *ручи*, закончить этимъ (IV-мъ) выпускомъ I-ый томъ грамматики, заключающій въ себѣ *этимологию языка Пушкина*, и перейти затѣмъ къ *синтаксису* его языка, обработка котораго должна собой представить II-ой томъ нашего труда. Такимъ путемъ мы думаемъ достигнуть того, что I-ый томъ (этимологія) будетъ представлять собой уже нѣчто *полное и законченное*: иначе нашъ трудъ не скоро пришелъ бы къ своему концу.

Не смотря на кропотливость и утомительность работы по выборкѣ глагольных формъ изъ сочиненій Пушкина, мы старались *исчерпать вполне* глаголь у Пушкина, и намъ остается выразить надежду на то, что, если сверхъ нашего ожиданія, критика найдетъ нѣкоторые пропуски или какую-нибудь неполноту, то она подѣлится съ нами своими замѣчаніями, которыя мы примемъ съ искренней благодарностью, т. к. считаемъ, что путемъ такихъ замѣчаній трудъ нашъ можетъ только дѣлаться полнѣе, точнѣе и лучше.

Обиліемъ же матеріала по глаголу объясняется и то обстоятельство, что настоящій выпускъ является въ свѣтъ позже, чѣмъ первые два выпуска.

Въ частности замѣтимъ, что читатель найдетъ въ настоящемъ выпускѣ нѣкоторые наши отступленія отъ обычной классификаціи глагола; эти отступленія объясняются тѣмъ, что мы вездѣ (во всѣхъ выпускахъ) преслѣдовали цѣль изучить *живой* языкъ въ его отраженіи подъ перомъ Пушкина и классифицировать явленія, именно, живого языка; вотъ почему классификація глаголовъ въ языкахъ уже *мертвыхъ* намъ казалась не исчерпывающею явленій языка *живого* и потому не всегда примѣнимой.

Въ вопросѣ о классификаціи глаголовъ мы многимъ обязаны бесѣдамъ съ академикомъ А. А. Шахматовымъ, которому и приносимъ здѣсь свою благодарность.

Мы считали своей обязанностью изучить глаголь Пушкина и

со стороны его удареній, а потому въ настоящемъ выпускѣ посвятили нѣсколько замѣчаній и этому вопросу. Въ этомъ отношеніи мы должны съ признательностью вспомнить наши бесѣды съ академиками Ф. О. Fortunatovымъ и О. Е. Коршемъ, которые помогали намъ уяснить себѣ тотъ или другой вопросъ относительно ударенія въ русскихъ глаголахъ. Справедливость однако требуетъ признать, что отдѣлъ по ударенію въ глаголѣ вышелъ у насъ болѣе *фактическимъ*, чѣмъ *теоретическимъ*, т. к. пользоваться бесѣдами вышеназванныхъ ученыхъ намъ удавалось только при кратковременныхъ *личныхъ* свиданіяхъ. Переписка по такимъ вопросамъ могла бы только затруднить корреспондентовъ вслѣдствіе самаго характера корреспонденціи въ такихъ случаяхъ.

Наконецъ, я долженъ еще разъ упомянуть о томъ, насколько затруднительны были занятія мои по языку Пушкина вслѣдствіе того, что *у насъ нѣтъ изданія сочиненій Пушкина съ точнымъ соблюденіемъ его орфографіи*. (Изданіе Суворина—Ефремова еще не окончено, да и не было мнѣ доступно даже въ частяхъ). Читатель найдетъ въ разныхъ мѣстахъ III-го выпуска (какъ и въ двухъ первыхъ) мои указанія и сѣтованія по поводу того, насколько важны были бы въ иныхъ случаяхъ для языковѣда *фототипическія* изданія рукописей Пушкина или непосредственное пользованіе этими рукописями. Достаточно сказать, что, когда я случайно проѣздомъ черезъ Москву позаялся въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ Румянцевскомъ Музеѣ *подлинными* рукописями Пушкина, то я убѣдился, какъ много можно было бы внести *полезнаго* въ мою Грамматику языка Пушкина, и какъ слѣдовало бы обработать отдѣлъ *фонетики* языка Пушкина, еслибы мнѣ были доступны эти рукописи въ Казани. Изученіе рукописей существенно отразилось бы и на прочихъ отдѣлахъ грамматики. Вотъ почему мнѣ въ моемъ трудѣ приходилось избѣгать того, что могло бы потерять значеніе въ моемъ изложеніи послѣ изученія *подлинныхъ* рукописей Пушкина, и ограничиваться лишь тѣми выводами, которые не должны находиться

въ связи съ *орфографіей* и потому могутъ быть цѣнными, не смотря на отсутствіе фототипическихъ изданій рукописей. Я старался, такимъ образомъ, сообщить своему труду строго *фактическій* характеръ, ограничиваясь *морфологической* частью языка Пушкина, благодаря чему мой трудъ можетъ остаться навсегда полезнымъ. Пусть условія моей работы послужатъ мнѣ нѣкоторымъ извиненіемъ неполноты изложенія.

Е. Будде.

Казань. 1903.

5 юня.

Глава I.

ГЛАГОЛЬ.

§ 1. *Составъ глагольныхъ формъ.* Въ составѣ глагольныхъ формъ уже очень давно въ русскомъ литературномъ и народномъ языкѣ произошли такія разрушительныя перемѣны, послѣ которыхъ русскій глаголь навсегда разстался со многими формами, имѣвшими нѣкогда свои особыя грамматическія окончанія, и сталъ возмѣщать потерю этихъ формъ особыми грамматическими образованіями самыхъ глагольныхъ основъ, выражая въ нихъ видовыя оттѣнки качества дѣйствій и довольствуясь этими образованіями, несмотря на то, что спряженіе всѣхъ новыхъ видовыхъ формъ въ глаголѣ заимствовало для себя единственно сохранившіяся отъ старины личныя окончанія настоящаго времени и повелительнаго наклоненія. Напр., утрачены личныя окончанія прошедшихъ временъ, вслѣдствіе чего и сами прошедшія времена исчезли изъ употребленія; утрачены также окончанія страдательнаго залога, почему и самый залогъ этотъ, какъ особая глагольная форма, исчезъ изъ языка. Сохранилось же изъ всѣхъ временъ только *настоящее время изъяв. наклоненія дѣйств. залога* и *причастія дѣйств. залога*. Изъ наклоненій сохранилось только *желательное* (теперь — *повелительное*), названіе же «*изъявительное*» придано формѣ, которая собственно не выражаетъ никакого наклоненія, т. к. не выражаетъ *зависимости* дѣйствія отъ какихъ-либо причинъ и условій, лежащихъ

внутри или внѣ говорящаго субъекта. Изъ залоговъ сохранился только *дѣйствительный залогъ* въ остаткахъ да *два причастія страдат. залога*. Всѣ остальные различія во временахъ, наклоненіяхъ и залогахъ или остаются *безъ обозначенія особыми формами*, или выражаются *описательно* съ помощью сохранившихся формъ вспомогательныхъ глаголовъ. Старое причастіе на -*мз* служить формой дѣйств. залога, къ которой присоединяется вспомогательный глаголъ для образованія *условнаго* (сослагательнаго) наклоненія. Это же причастіе безъ всякаго вспомогательнаго глагола служить формою прош. времени изъявит. наклоненія. Старое причастіе на -*мз* и -*мз* или -*тз* служить формой страд. залога, къ которой присоединяется вспом. глаголъ для образованія формъ страдательнаго значенія. Последнее можетъ быть выражено также дѣйствительной формой съ мѣстоименіемъ -*ся*. Форма неопред. наклоненія дѣйств. залога съ формою *буду* образуетъ будущее время дѣйств. залога. Такъ мало-по-малу возникло въ русскомъ языкѣ спряженіе глагола *по видамъ*, а не *временамъ*, т. е. утраченныя *формы временъ* съ ихъ личными окончаніями были замѣнены *формами видовъ* глагола, который зналъ только личныя окончанія настоящаго времени и присоединялъ ихъ ко всякой основѣ или же оставлялъ старую глагольную форму неизмѣняемою во всѣхъ лицахъ, придавая ей значеніе того лица, котораго требовалъ смыслъ рѣчи. Другими словами, русское спряженіе стало *измѣненіемъ основъ*, а не *измѣненіемъ окончаній*: центръ тяжести въ русскомъ глаголѣ перемѣстился съ окончаній на основы. Ко времени Пушкина глаголъ русскаго литературнаго языка уже вылился въ ту форму спряженія, въ которой мы наблюдаемъ его и сейчасъ, такъ что спряженіе глагола у Пушкина существенно ничѣмъ не отличается отъ современнаго намъ спряженія: особенности могутъ быть отмѣчены лишь въ основахъ спряженія глаголовъ съ суффиксомъ -*ну* — въ неопредѣленномъ наклоненіи да еще въ удареніяхъ нѣкоторыхъ глагольныхъ формъ. Въ виду такой важности глагольныхъ основъ мы, конечно, должны будемъ

обратить главное вниманіе на *основы* глагольныхъ образованій и на *виды* глагола, обусловленные измѣненіями внутри самыхъ основъ.

У Пушкина, какъ и въ современномъ русскомъ языкѣ, мы имѣемъ или *простыя* формы глагола, или *составныя*. Простыя формы: настоящее время изъявительнаго наклоненія дѣйствительнаго залога, причастіе и дѣепричастіе наст. времени дѣйств. залога, прошедшее время (бывшее причастіе) изъяв. наклоненія дѣйств. залога, причастіе и дѣепричастіе прош. времени дѣйств. залога и повелительное наклоненіе дѣйств. залога. Простая форма будущаго времени дѣйств. залога есть то же *настоящее по формѣ*, но имѣетъ лишь *значеніе* будущаго времени. Въ страдательномъ залогѣ простыя формы: причастіе настоящаго времени и причастіе прошедшаго времени. Такимъ образомъ, *простыя* формы современнаго глагола, которыя въ то же время и *древнѣйшія* (если не считать формъ прошедшаго времени, ставшихъ нынѣ простыми изъ древнихъ составныхъ со вспомогательнымъ глаголомъ), суть слѣдующія: въ дѣйствительномъ залогѣ — формы настоящаго времени съ его причастіями (и дѣепричастіями), формы повелительнаго наклоненія и формы причастій (съ дѣепричастіями) прош. времени. Въ страдательномъ же залогѣ — формы причастій наст. и прош. времени. Остальныя формы — *составныя* со вспомогательнымъ глаголомъ *быть*. Именно, въ дѣйствительномъ залогѣ: формы сослагательнаго наклоненія и формы будущаго времени изъяв. наклоненія, употребляемыя въ отличіе отъ формъ будущаго простого (съ измѣненной основой) для означенія извѣстнаго отгѣнка въ качествѣ дѣйствія, именно, отгѣнка длительности, продолжительности или повторяемости дѣйствія. Въ страдательномъ залогѣ всѣ формы, кромѣ двухъ вышеназванныхъ причастій, *составныя* съ глаголомъ *быть*, который и присоединяется къ формамъ этихъ двухъ причастій. Такимъ образомъ, спряженіе страдательнаго залога сводится къ спряженію вспомогательнаго глагола *быть* во всѣхъ его формахъ. Если къ этому присоединить

то, что и въ спряженіи глагола *быть* произошли тѣ же потери, что во всѣхъ прочихъ глаголахъ, т. е. утрачены *простыя* формы временъ, а составныя формы прошедшаго времени стали обходиться безъ утраченныхъ *простыхъ*, да если еще принять во вниманіе, что въ глаголѣ *быти* и формы настоящаго времени совершенно почти утрачены, то мы поймемъ, что языкъ, утративъ богатство формъ *времени*, долженъ былъ возмѣстить эту утрату инымъ путемъ. Онъ съ избыткомъ вознаградилъ себя громаднымъ разнообразіемъ формъ *видового* значенія, и такихъ формъ особенно много и въ поэзіи Пушкина.

§ 2. *Видовыя образования*. Виды глагола, служа пополненіемъ недостатка вслѣдствіе утраты глагольныхъ временъ, выражаютъ въ современномъ русскомъ языкѣ такія качества дѣйствій и такіе оттѣнки въ ихъ значеніяхъ, какихъ древне-русскій языкъ даже не былъ въ состояніи выразить при своемъ относительномъ богатствѣ глагольныхъ временъ. Слѣдовательно, разнообразіе видовыхъ образований въ русскомъ глаголѣ развивалось мало-по-малу, съ теченіемъ времени, и потому служить характерною особенностью современнаго русскаго литературнаго языка. Языкъ русскихъ народныхъ пѣсень, а также языкъ простонародной разговорной рѣчи въ отношеніи свободы употребленія и богатства видовыхъ образований глагола уже давно существенно отличался отъ языка русскихъ книжныхъ, литературныхъ произведеній, въ которыхъ долгое время держались по традиціи старыя формы, уже отжившія въ разговорной рѣчи народа, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что отдѣльные писатели, наиболѣе повліявшіе на видовзмѣненіе нашего стараго литературнаго языка, въ томъ числѣ и Пушкинъ, оказали свое вліяніе на литературный русскій языкъ, именно, потому, что, изучивъ хорошо народный русскій языкъ своего времени въ живомъ употребленіи, приводили въ соотношеніе языкъ книги съ языкомъ разговора людей, не имѣвшихъ въ своемъ говорѣ книжныхъ традицій, и тѣмъ давали возможность языку литературы тоже жить жизнью своего времени, т. е. развиваться, согласно

новымъ требованіямъ времени, или, иначе сказать, сообщали языку литературы энергію историческаго развитія во времени. Вотъ почему только тѣ писатели двинули впередъ нашъ литературный языкъ и только тѣ изъ нихъ оказали на него рѣшительное вліяніе, кто былъ хорошо знакомъ съ современной ему живой народной рѣчью, и, главнымъ образомъ, Ломоносовъ и Пушкинъ, по слѣдамъ которыхъ было уже легко идти ихъ потомкамъ.

Достаточно остановиться на любомъ произведеніи русской народной словесности, чтобы усмотрѣть въ немъ разнообразіе и богатство глагольных формъ видового значенія. Такъ, въ народной причети, которая своимъ происхожденіемъ восходитъ къ самымъ отдаленнымъ отъ насъ временамъ, мы находимъ такіе оттѣнки глагольных видовыхъ значеній: «похаживать», «поглядывать», «посматривать», «поразойдется», «поразольются», «станутъ поглядывать», «выспрашивать», «обзавидали», «пріоббавляли», «пріогражали», «пріоблажали», «была изнавѣшана», «изнасажена была», «повыбрали», «обстолпилося», «поросталася», «распростилася», «отшатилась», «приптопала», «присидѣла», «приглядѣла», «притомила», «притрудила», «прикатала», «приносила» (= нѣсколько поизносила): «Цвѣтно платьице у васъ да приносила» (*Барсовъ*. Причит. сѣв. края. М. 1872. I. Стр. 120). «Порозгнѣвалась» — ib. 121 и под. (См. *Барсовъ*. ib. I. Стр. 5. 6. 7. 8. 119. 120. 121 и мн. друг.). Не менѣе видовыхъ оттѣнковъ въ глаголѣ мы найдемъ и въ народныхъ былинахъ: «повыхвастать», «повыдумалъ», «повыигралъ», «поспросилася», «насыпалъ» и мн. др. (*Гильфердинъ*. Онеж. былины. 1873 г. Стр. 263—264 и мн. др.). Сравните съ этимъ употребленіемъ видовъ въ народной рѣчи употребленіе видовъ глагола у Пушкина, который обнаружилъ замѣчательную способность пользоваться богатствомъ видовыхъ образованій русскаго глагола въ своей поэзій, вслѣдствіе чего поэтический языкъ Пушкина даетъ намъ нескончаемый рядъ картинъ, вызываемыхъ въ нашемъ воображеніи, благодаря умѣлому и артистическому владѣнію словомъ нашего поэта-художника.

Въ самомъ дѣлѣ, мы различаемъ у Пушкина въ поэзіи нерѣдко *мельчайшіе оттѣнки* качества дѣйствій, приписываемыхъ имъ въ его стихотвореніяхъ разнымъ лицамъ. Это умѣнье пользоваться языкомъ да еще въ стихотворномъ размѣрѣ едва ли можетъ быть отмѣчено у кого-либо изъ предшественниковъ Пушкина въ такой художественной отдѣлкѣ и въ такомъ обильномъ разнообразіи.

Для того, чтобы, однако, примѣры изъ поэзіи Пушкина могли доказать выставленные нами выше положенія, необходимо сперва въ общихъ чертахъ перечислить главнѣйшія видовыя образованія въ русскомъ глаголѣ.

Обыкновенно мы различаемъ категоріи видовыхъ образованій русскаго глагола согласно различію тѣхъ значеній, которыя приобретаются этими видовыми образованіями въ связной рѣчи, т. е. въ *синтаксисѣ* рѣчи, такъ какъ, послѣ утраты собственно *этимологическихъ* признаковъ *формальнаго* различія въ глагольных образованіяхъ, получилось въ русскомъ глаголѣ крайне скудное однообразіе глагольных окончаній, и потому этимологическій принципъ дѣленія видовъ русскаго глагола сдѣлался невозможнымъ. Измѣненія же внутри самой глагольной основы, не распространяясь на окончанія, выражаются то въ присоединеніи къ глагольной основѣ префикса, при чемъ уже получается новая основа, то во вставкѣ особаго суффикса, слѣдствіемъ чего бываетъ опять-таки появленіе новой глагольной основы, то, наконецъ, глагольная основа принимаетъ и префиксъ и суффиксъ одновременно, при чемъ одинъ и тотъ же префиксъ или суффиксъ при одномъ и томъ же глаголѣ нерѣдко могутъ имѣть въ рѣчи совершенно различныя значенія, такъ что нельзя данному префиксу приписать *только одно строго определенное* вліяніе на глагольную основу *въ одномъ известномъ смыслѣ*. Вотъ почему *форма* видового образованія въ современномъ русскомъ глаголѣ, собственно говоря, не только не обуславливаетъ собой значенія, но даже сама по себѣ отсутствуетъ, т. к. каждое видовое образованіе поэтому можетъ быть рассматриваемо, какъ *отдѣльное*